

ПОСЛЕСЛОВИЕ

СУД ПОТОМКОВ

Заметки на календаре эпох

Посмертная реабилитация Сократа произошла не так уж скоро, и конечно, носила не юридический, а общественный характер. Ученики Сократа разбрелись в разные концы небольшого (по нашим меркам) греческого мира, основали собственные философские школы: Эвклид — в Мегаре, Федон — в Элиде, Аристипп — в Кирене; Антисфен жил в порту Пирей. По достоверным сведениям, Платон после казни учителя долго путешествовал, потом вернулся в родной полис, и в 387 году основал Академию... Особенно прославились Аристипп — родоначальник гедонизма, философии наслаждения (и телесного, и духовно-возвышенного), и Антисфен — от него берет начало противоположное направление, киническое, смысл которого в максимальном ограничении своих потребностей и желаний. Имена последователя первой философской ветви Эпикура и второй — Диогена Синопского, того, что «жил в бочке»,

известны всем... Разумеется, основным философским движением стал объективный идеализм Платона, а потом учение Аристотеля. К теме «реабилитация Сократа» названные события имеют прямое отношение: все ученики так или иначе стремились восстановить справедливость, доказать невиновность Сократа, несправедность его обвинителей и недругов. Особенно много в этом отношении сделали Платон и Ксенофонт, чьи защитительные сочинения уже знакомы читателю.

«Нет пророка в своем отечестве» — эта вечная истина подтвердилась и в нашем вечном сюжете. Признание, распространение и даже канонизация идей Сократа и их автора начались не на земле Аттики, а в других государствах и краях Греции, где при жизни Сократа никогда не видели (впрочем, он вообще был «домоседом» и путешествовать не любил). Впоследствии, спустя столетия, пылкие почитатели — из лучших намерений — создали множество изящных сказок о раскаянии и покаянии афинян (Диоген Лаэртский, с. 232). По другим версиям-мифам троица обвинителей была казнена разгневанным народом без суда и следствия (Диодор Сицилийский); Плутарх в присущей ему тончайшей и занимательнейшей литературной манере повествует, как опамятовшиеся граждане возненавидели Анита с присными, не давали им огня, отказывались мыться с ними в одной воде, т. е. в общей бане и плавать в том же бассейне, так что злодеям ничего не оставалось, как удавиться... (Плутарх «О зависти и ненависти», гл. 6). Исторический анализ говорит о другом; например, очевидно, что Ксенофонт совершенно иначе писал «Воспоминания», если бы массовое мнение в Афинах в отношении Сократа «перестроилось»; не преминул бы, ко-

нечно, поведать об этом и Платон в одном из «сократических» диалогов. Есть сведения (речь Лисия XXII, б), что в 387 году Анит был жив (и здоров?) и занимал немаловажную должность хлебного пристава; однако самым убедительным доводом, что Сократ еще долго предстал для среднего афинянина фигурой одиозного нарушителя законов, является речь знаменитого оратора Эсхина (345 год, через 50 с лишком лет), где он, походя, замечает: «Афиняне, вы казнили софиста Сократа за то, что он воспитал Крития, одного из Тридцати, низвергнувших демократический строй» (I, 173). Опытный ритор никогда бы не поплыл против народного мнения...

Возвращение Сократа в родной город «богоравным» мудрецом состоялось после потери Афинами независимости в 338 году, и, наверное, не в один день чудо свершилось, а когда до «масс» дошла та простая истина, что теперь — в политическом и моральном унижении — им остается ухватиться только за свое великое прошлое, наполненное тенями знаменитых мужей. К этим мужам причислили, конечно, и «софиста» Сократа, которому поднесли чашу с ядом их отцы и деды... Вполне возможно, что тогда повсеместно прославленному уже мыслителю и был воздвигнут памятник, о котором сообщает Диоген Лаэртский.

В бесконечно долгий эллинистический период¹ Сократа ждала счастливая судьба; он был одним из немногих, кто не подвергался отрицанию и, тем бо-

¹ Границы его условны, одни заключают его 30 годом н. э., а последующую эпоху именуют «второй» и далее «поздней софистикой», а в общем, концом эллинизма можно считать закрытие платоновской Академии императором Юстинианом в 529 г. н. э.

лее, новому, посмертному суду. Причин тому несколько; ну, ставшая с дистанции времени столь зримой несправедливость казни; еще то, что его учение пришло к потомкам через высоко чтимых Платона и Ксенофонта, пришло как бы в своих избранных, лучших странах; а самое важное то, что его учение не было системой, «растущей» из одного корня-идеи. Его учение — это высокие заповеди, его учение — это высокоморальная жизнь и смерть. Именно поэтому его любили и постоянно ссылались на него столь разные люди, как Аристотель, Эпиктет, Цицерон,¹ Сенека или Плотин... Каждый, разумеется, стремился подкрепить свою философию цитатами из Сократа, трактуя их на свой лад.

Оглядываемый нами чуть ли не 900-летний период в его второй половине характеризуется, прежде всего, соперничеством, взаимопроникновением и противоборством античного и христианского мирозерцаний и мировидений. В этом историческом «сражении» двух религиозных концепций участвовали — не по своей воле — Христос и Сократ, иногда их противопоставляли, чаще сопоставляли, ибо поистине в их земной юдоли немало сходного. Многие из отцов новой веры, постепенно бравшей верх,²

¹ Для примера — пафос Цицерона: «О, Сократ и последователи Сократа! Нет пределов моей благодарности вам» (письмо Титу Помпонию Атику 17 апреля 44 года). Причина благодарности та, что Сократ и сократики своими мыслями и учением помогли Цицерону стойко переносить обрушившиеся на него жизненные невзгоды.

² В 313 году по Р. Х. император Константин I признал христианство равноправной религией; немало лет обе религии сосуществовали, иногда мирно, иногда резко конфликтно...

относились к Сократу с пиететом, сознавая, что его заповеди не противоречат христианским; можно сослаться, например, на сочинение Блаженного Августина «О граде Божием»; хотя, конечно, язычника можно было уважать лишь в некоем историческом плане, но не в церковном.

...Перелистнем наш календарь эпох: европейское Возрождение, начавшееся и быстрее шедшее в архитектуре, живописи и скульптуре, вскоре коснулось и литературы, сначала сочинений римских авторов — Овидия, Цицерона, Сенеки; через них начали воскрешаться и греческие классики. В 1459 году во Флоренции вновь открывается платоновская Академия, в 1482 Марсилино Фиччино заново переводит Платона на латинский язык — и тут, разумеется, Сократ, его жизнь и учение не могли не войти в «программу» обсуждений и обучений.

Эразм Роттердамский (1469—1536) ставит Сократа почти в один ряд с христианскими святыми мучениками; особенно близки ему идеи самопознания, самоусовершенствования и мудрой веры в высший смысл того, что суждено испытать человеку. Один из участников диалога «Благочестивое застолье», Нефалий, говорит: «Поразительно! Ведь он не знал ни Христа, ни Святого Писания! Когда я читаю что-либо подобное о таких людях, то с трудом удерживаюсь, чтобы не воскликнуть: „Святой Сократ, моли Бога о нас!“»¹

Не менее значимая веха — это отношение к Сократу великого французского моралиста Мишеля Монтеня (1533—1592). В его «Опытах» («Les Essais»), давших начало всей мировой эссеистике, имя афин-

¹ «Разговоры запросто». М., 1969. С. 101.

ского философа встречается, вероятно, чаще всех остальных. Обе последние главы «Опытов», несомненно, писались на том же столе, на котором лежала «Апология» Платона; в чтении сократовских мыслей Монтень черпал силы в предчувствии надвигающейся неизлечимой болезни, когда его одолевали страх и боль небытия; из нее он целиком выписал в свою книгу речь Сократа после вынесения смертного приговора. Для Монтеня, как, вероятно, для многих, Сократ становится опорой и поводырем на той пограничной линии, что отделяет царство живых от иного, неведомого...

Перелистнем еще несколько страничек-столетий: начало немецкой классической философии — Иммануил Кант. Для него Сократ в вопросах морали — авторитет высочайший. Однако сократовский демоний смущает Канта иррациональностью, загадочностью, трудноуловимостью; вера в знамения и озарения не в духе кёнигсбергского мыслителя,¹ мучительно (что и сам прекрасно замечал) искавшего истину на путях логики, науки и рассудка.

Отметим великого софиста нового времени Гегеля, который в одном из своих сочинений учинил заново суд над Сократом² и вынес ему повторный смертный приговор, отделив от Сократа-человека его учение: дескать, автор виновен, но его учение бессмертно! Точно также не станем задерживаться у философской «зоны» Фридриха Ницше, его напоенные ядом стрелы против Сократа соответствовали его кон-

¹ См., например: «Антропологическая дидактика». Ч. I, 10.

² Гегель Г. В. Ф. «Лекции по истории философии». Кн. 2, СПб., 1994.

цепции сильной личности; по-нашему мнению, сила самого Ницше — в художественно-культурологических наблюдениях, а не в его доктрине, столь притягательной для обозленных мелетов и ликонов. Два слова — о другом кумире, уже века нашего, об Освальде Шпенглере. Приходится сожалеть, что из литературно-философского обихода выпала (или осталась в тени) статья Томаса Манна «Об учении Шпенглера», в ней дан исчерпывающий анализ теории непроницаемо-герметичных цивилизаций. Диагноз писателя и мыслителя достаточно строг: сочинение Шпенглера не более чем гиллерторское теоретизирование, пропитанное холодным снобизмом. Можно добавить, что для невежественного и замкнутого в себе индивида герметичны и непроницаемы не только другие цивилизации, другие времена и нравы, но и взгляды любого другого человека, чьи убеждения не согласны с его собственными. Универсальность, вневременность философского учения Сократа, его личности и судьбы, несомненно, подтверждают существование некоей сквозной темы, связи между всеми человеческими сообществами и мирами.

Сократ в России. Античность вошла в русскую жизнь и культуру, как понятно, после петровских реформ, когда был снят запрет с «еллинских борзостей». Рубежом, от которого начался брак по любви между Древней Грецией и Новой Россией можно считать день выпуска книги под названием, выведенным красивой колонкой:

КСЕНОФОНТА

о достопамятных делах и разговорах
Сократовых четыре книги и

Оправдание Сократово
пред судиями,
переведенное с греческого языка
Надворным советником
Григорием Полетикою
В Санктпетербурге
при Императорской Академии
Наук, 1762

На титуле торжественно значится: «Ея Императорскому величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой государыне Екатерине Алексеевне императрице». Книга Полетики знакомила просвещенных русских людей сразу с Ксенофонтом, Сократом, вводила в круг философских проблем, быта и бытия греков, чему служило и изящное предисловие автора перевода.

Само собой, не обошел вниманием Сократа и крупнейший просветитель Н. И. Новиков; его, как тогда выражались, иждивением издана «Похвала Сократу, произнесенная в обществе человеколюбцев», 1783 год. Упомянем еще забавнейшее и занятнейшее сочинение «Разговор Сократа с Пифагором о должностях человека», СПб., 1790.

Весь русский XIX век прошел в поисках лучших форм внедрения и усвоения классического образования и одновременно — в борьбе за его отмену (демократы — сокрушители). Все же именно на последние десятилетия пришелся самый высокий взлет познания античности, что связано, в первую очередь, с Владимиром Сергеевичем Соловьевым. От него началось движение русской философской мыс-

ли XX века, сам же он всей своей жизнью и трудами соединен с античностью, Платоном и потому Сократом.¹

Конспективный обзор посмертной судьбы афинского мыслителя показывает, что Сократу-человеку потомки выносили, в основном, вердикт оправдательный; возвели в сан мудреца, апостола Эллады; иначе обстоит дело с тем, что Сократ считал самым дорогим — с его учением. Можно утверждать, что столбовая дорога общественного развития все больше и больше отклоняется от сократовских идей (самопознание — самоограничение; исследование цели — научение добру; разумение как сдерживающая сила темных инстинктов). Развитие цивилизации идет совсем в другую сторону, а именно путем непрерывного *расширения границ дозволенного*: сексуальная революция, постепенное узаконение наркотиков, телеэкранная разнузданность, кумиромания... Достопримечательным явлением стало то, что принято именовать трансгрессией, т. е. возможностью

¹ Особой главой темы «Сократ в России» могло бы стать отношение к Сократу Л. Толстого и Ф. Достоевского, великих антиподов во всем. Приведем только их высказывания о главном в учении Сократа — о сознании (и сознательных решениях): «Сознание — болезнь. Не от сознания болезни (это ясно, как аксиома), но само сознание — болезнь» (Достоевский «Записная тетрадь», 1864—1865). «Вера всегда нетверда. Можно разувериться или поверить в другое. Твердо только сознание» (Толстой «Записная книжка», 1910 год). В известной степени оба писателя точно определяют две ипостаси России и два коренных типа русского человека; хотя конечно, в душе многих оба начала, — идущее от Достоевского и толстовское — сложно сочетаются и противоборствуют.

(потребностью? необходимостью?) преступить общепринятые нормы. В давние времена это прощалось (в какой-то мере) иным из прославленных творцов — живописцам, поэтам, властителям-реформаторам; для них трансгрессия служила допингом и искупалась предельным напряжением, огромной отдачей; нынче то же самое разрешают себе весьма обильные группы людей, для которых это лишь форма самоутверждения. Спешка, суетность, смена пристрастий и мод, «захлеб», ослабление иммунной защищенности от зла — опасные признаки развивающейся болезни общественного организма, в том числе, и не в последнюю голову российского. Так что невольно хочется вспомнить необычайно популярное в позднеантичный период речение-предупреждение:

Куда вас несет, человеки?..

Псевдо-Платон
«Клитофонг» 407а.